НАШЕ БУДУЩЕЕ

Его Императорское Высочество
Великій Князь
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

Пусть тотъ, кто еще не вноситъ ежемѣсячныхъ пожертвованій въ Казну Великаго Князя, прочитавъ эту книгу, пошлетъ посильную лепту въ „Фондъ Спасенія Родины".

АДРЕСЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ:
France, Propr. Choigny par Santeny S. et O. S. A. J. Le grand duc Nicolas de Russie.

Комитетъ по сбору пожертвованій въ „Фондъ Спасенія Родины" во Франціи:
Предсѣдательница вдова Вел. Кн. Павла Александровича княгиня О. В. Палей,
вице-предсѣдатель А. Н. Крупенскій,
секретарь И. П. Якоби.
Адресъ секретаря: Paris VI. 7. rue Casimir Delavigne, Hôtel S-t Sulpice

НАШЕ БУДУЩЕЕ

Имя.

Законы исторіи такъ же неумолимы, какъ и законы математики: революцію всегда смѣняетъ контръ-революція; а уголъ паденія равенъ углу отраженія. Чѣмъ разрушительнѣй была первая, тѣмъ созидательнѣй будетъ вторая...

Но говоря о революціи, или о контръ-революціи, — всегда забываютъ о Россіи. А говоря о русскомъ народѣ,—всегда видятъ его обращеннымъ только въ одну сторону. Или — „Богоносца“, или — „звѣря“. Это — невѣрно: всякій народъ единъ въ массѣ своей. Русская же народная масса всегда была исполнена неизбывной вѣрой въ нѣдрахъ своихъ. Русскій народъ — народъ глубокой вѣры. Такимъ онъ былъ всегда, такимъ остался и нынѣ.

Безумный порывъ въ „планетарность“, въ абстракцію, мгновенное осуществленіе коммунизма, это — та же крѣпкая народная вѣра въ соціализмъ, когда у русскаго народа насильственно была отнята вѣра въ Бога... То страшное, что было,— сдѣлано имъ вѣрой въ миражъ, въ призрачность. И народъ — Богоносецъ сталъ народомъ — самоубійцей.

Края бездны коснулась Россія, чтобы снова обратиться къ небу.

* * *

Полная тайны Книга Судебъ закрыта для насъ. Будущее за непроницаемой дверью. Ключъ къ этой двери — вѣра. И мы вѣримъ, что непреложны законы исторіи: интернаціональную революцію смѣнитъ контръ-революція національная. И страшный въ анархіи народъ, — прекраснымъ возстанетъ въ созиданіи разрушеннаго. Россія — есть; Россія — будетъ; въ это твердо вѣритъ каждый, кто не пересталъ быть русскимъ...

А пока — тамъ, за спадающими грязными волнами революціи, за потоками крови, осѣвшими затвердѣвшими сгустками на родной землѣ, — крѣпко скована могильной плитой коммунизма Россія. Разрознена, разсыпана мельчайшими осколками Россія — здѣсь.

Кто соберетъ ихъ? Кто сумѣетъ вновь создать изъ обѣихъ прежній монолитъ? Чей голосъ одинаково услышатъ и здѣсь и тамъ?..

* * *

Медля сочатся не нами отсчитанные сроки... Будущее скрыто отъ насъ...

Уставшія воля и мысль напряженно ожидаютъ чуда. Но чуда до сихъ поръ не было, потому что не было вѣры. Кто только не считалъ себя способнымъ на чудо? Развѣ вся исторія русской смуты не была сплошь засорена именами лжепророковъ?

Но теперь, когда истекаютъ сроки, и смута подходитъ къ концу, — обманутый народъ глубоко ушелъ въ свою думу. И въ этихъ глубинахъ русской

души, — и тамъ, на родныхъ пепелищахъ, и здѣсь, въ изнывающей тоской по Родинѣ эмиграціи, назрѣваетъ новая вѣра въ скорое воскресеніе Россіи. Вѣра творитъ чудеса, сотворитъ чудо и эта вѣра...

Въ этой народной вѣрѣ нѣтъ ни громкихъ лозунговъ, ни пышныхъ политическихъ программъ: вся она въ одномъ словѣ — Россія. А исповѣдываемый символъ этой вѣры, то-же не длиненъ: только одно имя. Всего два слова:

„НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ“...

Н. РЫ—НСКІЙ.

Пасха?

БЕЗЪ ЛЮБВИ НѢТЪ ПОБѢДЫ.

Пасха — праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ. Пасха святая, всечестная. Побѣда Христа надъ діаволомъ. Побѣда . жизни надъ смертью.

Въ глубину полувѣка уходитъ мой мысленный взоръ. Мѣрный, нестихнущій вопль колоколовъ надъ Петербургомъ, голубые всплески волнъ Невы и ялики, — бѣлыя птицы, — съ длинными хвостами, загнутыми вверхъ и съ зеленой каймой, снующіе отъ Мытнаго перевоза къ Дворцовой пристани и обратно. Гребцы въ красныхъ рубахахъ. Пассажиры, по пяти на яликъ, масляныя счастливыя лица и стонъ трехъ рядной гармоники.

— Христосъ воскресе!

— Воистину...

Въ круглыхъ, плоскихъ, деревянныхъ бадьяхъ блистаютъ крашенныя яйца. Темно-красныя и лиловыя. Вѣтеръ съ залива упористыми порывами свѣжитъ лицо и мететъ по граниту царственныхъ ризъ свѣтлой красавицы яичную шелуху, бумагу и апельсиновыя корки.

Глупая дѣтская пѣсенка на устахъ:

Христосъ воскресе,
Въ Москвѣ и здѣся,
Въ Рязани Казани,
Во всѣхъ городахъ...

По весеннему звонко стучатъ по мостовой дрожки. Султаны, кивера, легкія „Николаевки“, плащи въ накидку, пестрые шарфы на шитьѣ воротниковъ... Ѣдутъ христосоваться:— къ Царю, во дворецъ... съ визитами... по начальству...

И вездѣ: — въ подвалѣ у дворника, ка чердакѣ у прачки, у титулярнаго совѣтника и у его превосходительства въ бель-этажѣ, накрытые столы. На однихъ: — скромно на пестрыхъ тарелкахъ пріютились: кривая надрѣзанная пасочка, куличикъ, пятокъ яицъ, куриная ножка и кусокъ ветчины, другіе ломятся отъ пасокъ простыхъ и заварныхъ, домашнихъ и кондитерскихъ, отъ куличей, мазурокъ, бабъ, окороковъ и напитковъ всякаго рода.

И надъ всѣми одинаково странные, апокрифическіе розаны изъ бѣлой гофрированной бумаги съ розовою каемкой и золотыми кручеными усиками, — розаны, на цвѣты непохожіе... Поросенокъ подъ хрѣномъ и масло въ видѣ агнца въ нѣжныхъ завиткахъ.

Праздникъ швейцаровъ и домовой прислуги, праздникъ „чаевыхъ“, наградъ и производствъ.

Большія простыни „Правительственнаго Вѣстника“ и толстый съ вкладными листами „Русскій Инвалидъ“.

... „Производятся... Награждаются“...

— Христосъ Воскресе!
— Воистин-ну!
— Съ Монаршею...
— И васъ такъ-же

——

Мѣщанское счастье.
Да.
Но... с ч а с т ь е.

——

„Фельдфебелямъ и вахмистрамъ Шефскихъ ротъ, эскадроновъ, сотенъ и батарей и чинамъ, занимавшимъ въ ночь съ субботы на воскресенье дворцовые караулы, бывшихъ въ разъѣздѣ вокругъ Зимняго дворца и въ командѣ гребного катера явиться для принесенія поздравленія Ихъ Величествамъ и христосованія"...

„Усовъ и бакенбардъ не фабрить"...

Уже давно въ Гвардіи не носили бакенбардъ, и нигдѣ въ Арміи не фабрили усовъ, и самую фабру, — черныя плиточки въ серебряной бумагѣ, — перестали продавать въ мелочныхъ лавочкахъ и парикмахерскихъ, а въ приказаніи войскамъ гвардіи и с.-петербургскаго военнаго округа все стояли эти слова:

— Усовъ и бакенбардъ не фабрить...

Въ залахъ Зимняго дворца крѣпкій запахъ сапожной кожи и дегтя. Русскимъ солдатомъ пахнетъ. Румяныя, счастливыя лица стариковъ. Сѣдыя бороды кружевомъ сквозятъ надъ большими, шейными, золотыми и серебряными медалями, цѣпочки изъ скрещенныхъ ружей, тугіе кушаки: — красные, синіе, бѣлые и зеленые, лосиныя портупеи... За ними длинные ряды молодыхъ лицъ, коротко стриженые волосы, пухлыя, юныя губы, крѣпкіе зубы, пахнущіе весною, свѣжестью и молодостью, и Русская — несравненная красота.

Чины караула.

Ощущеніе мягкихъ душистыхъ усовъ и бороды Государя. Въ щеку, еще разъ въ щеку и, случайно, въ губы.

— Христосъ воскресе!

— Воистину, Ваше Императорское Величество!

Маленькая ручка Императрицы. Сама Императрица въ облакѣ кружевъ, шелка и лентъ. Какая она? Никто не примѣтилъ.

Дивно красивая... Неземная.

Царица!!

Шагъ влѣво. Въ смущенной, влажной рукѣ большое яйцо: — съ образомъ, съ цвѣтами, Императорскаго фарфороваго завода. На шелковой лентѣ.

Купить такого нельзя.

И, когда кончена была служба, въ избѣ, въ далекой, въ лѣсахъ, степяхъ, нивахъ, холмахъ, пескахъ, долинахъ, въ тридевятомъ Русскомъ царствѣ, затерянной деревушки въ углу, подъ иконой, висѣло оно, радостно улыбаясь нарядностью своею. Художественно написанныя фіалки на желтомъ фонѣ смотрѣли въ убожество избы. Покрылась пылью и закоптѣла шелковая лента. И было оно прекрасно, какъ воспоминаніе далекой службы, чего-то важнаго... Исполненнаго долга...

— Царица дала... Сама... Ручку ея цѣловалъ.

——

Счастье!

И хорошее было то счастье. Сознаніе общности интересовъ: — отъ царя до мужика.

Единая... Недѣлимая.

Только словъ тогда этихъ не говорили. Не нужны были слова.

——

Помню и еще Свѣтло-Христово воскресеніе. Въ утреннихъ туманахъ выдыхала степь влажныя испаренія плодоносной земли. Солнце золотило купола Новочеркасскаго собора. Свѣжія раны шрапнельныхъ поцѣлуевъ зіяли на правомъ маломъ куполѣ. Черезъ городъ только что пробѣжали, проскакали, пронеслись казаки „съ того берега".

— Наши!

На улицахъ лежали трупы красногвардейцевъ.

Стрекоталъ на окраинѣ пулеметъ.

— Гдѣ наши?

— На Хотункѣ бои идутъ. Отъ Персіановки опять валомъ повалилъ, закружаетъ. Не ослабли-бы опять наши?

И три дня Святой недѣли непрерываемая тревога и тоска... Удержимъ? Не удержимъ? Мало нашихъ. Колеблются казаки...

Пронесся на извозчикѣ „вождь“, погоняетъ возницу, звонко кричитъ: — „всѣ къ Троицкой церкви! Спасайте Христа“!

И уже къ закату шло солнце четвертаго дня, 26-го апрѣля 1918 года, и удлинялись тѣни домовъ, а степь золотилась, когда бухнула слѣва изъ за Краснокутской рощи горная пушка, пролетѣлъ, вереща, снарядъ и разорвался въ красно-гвардейскихъ цѣпяхъ.

— Наши!

— Откуда?

Не все-ли равно?

Это были н а ш и: — отрядъ полковника Дроздовскаго.

— Отходятъ красные!

Трещитъ имъ въ догонку пулеметъ, радостно бьютъ пушки и уже видны стройныя цѣпи Дроздовцевъ... Несется по степи вдоль желѣзной дороги ихъ броневикъ. Фырчитъ, громыхаетъ, тарахтитъ... Русскій флагъ гордо рѣетъ на немъ. Императорскій — бѣлый, синій и красный.

Тогда это были: — н а ш и.

Думали, что это былъ переломъ...

Увы! это былъ только — надломъ.

Не воскресъ Христосъ въ сердцахъ нашихъ. Клокотали сатанинская злоба и ненависть. Зависть мутила сердца.

——

Не пришла тогда Пасха красная, Пасха всечестная, радостію другъ друга объимемъ!.. Не пришелъ воскресенія день, не просвѣтились мы торжествомъ и не рцемъ гласы восторженными! и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ...

Нѣтъ и сейчасъ этой Пасхи Христовой между нами.

Нѣтъ и воскресенія Христова.

Нѣтъ побѣды Христа надъ діаволомъ.

——

Красные... бѣлые... зеленые...

Легитимисты... За вѣру, царя и отечество... За вѣру и Родину... Только — за Родину!.. Націоналисты... Союзъ возрожденія... Союзъ возвращенія... Аполитичность — и въ ней самая подлая политика. Демократія... Народовластіе, размотавшее всю великую Россію и разсѣявшее Россіянъ по всѣмъ странамъ свѣта.

Въ Чехо-Словакіи не смѣемъ быть Русскими и открыто любить Царя... Въ Польшѣ, въ Италіи, въ Бельгіи и Франціи дѣтей крестимъ въ католичество.

— Знаете, такъ лучше... Монсиньоръ очень много добра дѣлаетъ... Не все ли равно, — Богъ одинъ...

Аполитичность... равнодушіе къ вѣрѣ отцовъ.

Въ Югославіи сокращаемъ дѣтямъ уроки Закона Божія.

Знаете, такъ тоже лучше... Никого не раздражать... Они деньги даютъ.

Галлиполійцы, первопоходники, казаки, сѣверо-западники, Колчаковцы, участники, не участники, эсъ-эры, эсъ-деки, кадеты, торгово-промышленники, академисты, „ОРЭСО“, „ИМКА“, націоналисты, союзники, антантисты, германофилы.,.

Истинно: Вавилонское столпотвореніе. Помѣшались люди языками, помѣшались понятіями.

И нѣтъ спасенія... Нѣтъ счастія.

——

Гдѣ?... Когда?...

Въ единеніи около единаго, всѣми, и тутъ и тамъ въ Россіи, признаннаго вождя!

Когда? — Когда скажемъ мы словами ірмосовъ канона: — Воскресенія день — просвѣтимся людіе.

Когда Христа узримъ — правды солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.

Когда отверзутся намъ двери райскія и радостію другъ друга обымемъ.

Когда перестанемъ дѣлить шкуру еще не обложеннаго медвѣдя и про всѣхъ скажемъ, какъ радостно сказали въ тотъ ясный пасхальный четвергъ 26 апрѣля 1918 года, день перелома: —

— Наши.

Когда? — въ нашихъ рукахъ!

Уже не врагъ нашъ силенъ, а мы слабы — раздѣянностью своею. „Черезъ нашу нелюбовь великая пагуба Государству Россійскому бываетъ“, — какъ триста одиннадцать лѣтъ тому назадъ сказалъ Атаманъ Межаковъ кн. Трубецкому.

Вернуться надо къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда писали:

— Усовъ и бакенбардъ не фабрить.

И не говорить только, но сознать всѣмъ сердцемъ, что она, наша великая, наша родная, наша любимая —

— Единая и недѣлимая.

Христосъ воскресе!

П. КРАСНОВЪ.

Наше будущее.

По несчастному стеченію обстоятельствъ, мнѣ суждено было $2^1/_2$ года провести среди большевиковъ Петрограда. Я имѣла возможность тамъ ознакомиться съ настроеніями коммунистической молодежи.

Въ залахъ Аничкова дворца, превращеннаго въ Музей Города, гдѣ я служила, происходили всевозможные митинги, и вотъ, на одномъ изъ нихъ, устроенномъ коммунистической молодежью, мнѣ довелось присутствовать.

Темой митинга было празднованіе 1 го мая. Аудиторія была переполнена до отказа, стоялъ гулъ голосовъ и куда не оглянись и на эстрадѣ, и въ залѣ — одна зеленая молодежь. Прежде всего меня поразила та бойкость и непринужденность рѣчи, всей этой, большей частью семитической, молодежи. Они владѣли словомъ, какъ многоопытные заправскіе ораторы, и рѣчи ихъ неизмѣримо дерзкія, смѣлыя, хлесткія видимо зажигали и отравляли души довѣрчивой юной публики. Все, что говорилось ими, было такъ цинично грубо: всѣ свѣтлыя и чистыя человѣческія чувства топтались въ грязь и служили темой издѣвательствъ и поруганій. Казалось ничего святого въ этихъ юныхъ, но больныхъ, несчастныхъ душахъ не осталось. Къ несчастью, аудиторія жадно внимала рѣчамъ и громъ аплодисментовъ сопровождалъ ихъ.

Невольно сердце болѣзненно сжалось. Здѣсь, въ лицѣ этихъ юныхъ изувѣровъ, мнѣ представилась будущая Россія, нашъ оплотъ, наша надежда. Можетъ ли такое новое поколѣніе, смыть позоръ и униженіе несчастной Родины, — возродить Великую Россію? Боясь разрыдаться отъ нахлынувшихъ чувствъ, я встала и ушла. Неотвязчивыя тяжкія думы ползли въ голову... Какъ помочь величайшему паденію нашей истерзанной Родины?.. Мнѣ думалось, смѣнятся власти, мало-по-малу возстановится наше экономическое и финансовое положеніе. Но какъ, какъ возстановить чистоту отравленныхъ дѣтскихъ и юныхъ душъ, вернуть имъ утраченныя возвышенныя чувства благородства, вѣры, понятія о долгѣ, чести, любовь къ отчизнѣ? — все опоганено большевиками, все заплевано ими... Нельзя же творить святое дѣло нечистыми руками!..

Никакихъ надеждъ, никакого просвѣта, казалось, нѣтъ.

Но вотъ мнѣ посчастливилось бѣжать изъ ада.

Мало-по-малу въ бѣженской средѣ

и въ другихъ странахъ, и здѣсь, въ Сербіи судьба столкнула меня съ цѣлымъ рядомъ нашей молодежи и военной и студенческой, безъ различія партій.

Сразу я перенеслась въ новый міръ,— міръ свѣтлый, духовно-чистый, бодрый, самоотверженный, религіозный, патріотическій.

Всѣ полны только мыслью о дорогой Родинѣ, всѣ готовятся для Ея озро жденія, готовы на всякія жертвы о имя Ея и только трепетно ждутъ радостнаго, призывного клича, чтобы отдать трудъ, знанія и самую жизнь на спасеніе Родины...

Съ такимъ оплотомъ, съ такой молодежью, съ такими высокими порывами волнующихъ чувствъ, — не побѣдить нельзя.

На душѣ становится тепло и ясно. Долой уныніе и сомнѣнья! Свѣтъ—покоритъ Тьму. Великая Россія возродится.

Баронесса М. Д. ВРАНГЕЛЬ.

Упорство и непреклонность!

Графъ Л. Н. Толстой писалъ въ одной изъ своихъ статей: „Говорятъ, что дѣятельность одного человѣка есть капля въ морѣ. Капля въ морѣ! — Есть индійская сказка о томъ, какъ человѣкъ уронилъ жемчужину въ море, и чтобы достать ее, взялъ ведро и сталъ черпать и выливать на берегъ. Онъ работалъ такъ не переставая, и на седьмой день морской духъ испугался того, что человѣкъ осушитъ море и принесъ ему жемчужину".

Отъ каждаго изъ насъ — уронившихъ въ море жемчужину родины — теперь зависитъ, — пусть въ малой долѣ, ея спасеніе.

Упорство и непреклонность человѣческой воли — огромная сила. Мы видѣли на примѣрѣ нашихъ враговъ, какъ много можетъ сдѣлать даже воля, направленная ко злу, къ достиженію невозможнаго. Кто думалъ о томъ, что Ленина будутъ хоронить на Красной площади, когда онъ присылалъ свои статьи изъ Швейцаріи въ Петербургъ въ газетку „Правда"? И однако эти позорныя торжества были! — Насколько же должна быть неодолимѣе — упорная воля, направленная къ добру!

О сверженіи совѣтскаго ига надо говорить не въ порядкѣ предвидѣнія, а въ порядкѣ долженствованія Мы слишкомъ много занимаемся гаданіями о томъ, когда падутъ большевики, и слишкомъ склонны обольщаться пріятными для насъ слухами. Какъ часто предсказывалась гибель вражьей власти и сколько было потомъ разочарованій! — Подходъ — не съ того конца: не спрашивать надо — когда же падутъ большевики, а соображать, какъ сдѣлать, чтобы они пали.

Нужно понять, что эта задача все еще стоитъ передъ нами во всей своей трагической сложности, стоитъ какъ стѣна, закрывающая всѣ пути въ будущее, и прежде всего приходится думать о томъ, какъ эту стѣну пробить.

Мы должны проникнуться сознаніемъ величайшей отвѣтственности и взвѣшивать каждое дѣйствіе, стараясь опредѣлить, приближаетъ ли оно къ цѣли — или можетъ ее отдалить. Надо понять, что споры съ другими народами и даже внутреннія распри въ нашей средѣ надо сейчасъ отложить, заглушить, какъ это иногда ни трудно, и въ данное время бороться только съ однимъ врагомъ. Надо расцѣнивать попутчиковъ не по близости общихъ взглядовъ — а

по тому, способны ли они протаранить красную стѣну, и нѣтъ ли опасности, что они перебѣгутъ къ врагу, чуть что имъ не понравится.

Что же дѣлать? Вопросъ, о который разбивается столько порывовъ! Ясно, что отвѣтъ во всей полнотѣ не можетъ быть одинаковымъ для всѣхъ — да и не обо всемъ слѣдуетъ разговаривать на виду у врага. Но есть и общее, обязательное для каждаго.

Это прежде всего, рѣшимость не мириться съ оскверненіемъ русской земли какъ долго бы оно ни длилось. Надо сказать себѣ, что съ этимъ „Черноморомъ“ — „Русланъ не знаетъ договора“. — „Лети хоть до ночной звѣзды — а быть тебѣ безъ бороды“ (— говоря иносказательно!) — „Лети хоть до ночной звѣзды“! Какія революціи большевики въ другихъ странахъ ни устроятъ — сколько лѣтъ они ни будутъ измываться надъ Россіей — черное не станетъ бѣлымъ и зло не станетъ добрымъ — и часъ возмездія придетъ.

Затѣмъ, поборовъ „духа уныния“, каждый разъ, какъ представится случай — а ихъ въ жизни несчетное число — въ разговорѣ, въ письмѣ, въ дѣйствіи, — съ иностранцемъ или съ колеблющимся русскимъ — надо обличать врага, который теперь пытается спрятаться подъ маскою Россіи и не поддаваться искушеніямъ его лже-патріотическихъ выходокъ (вродѣ бессарабской).

И сборъ въ казну Великаго Князя, въ фондъ спасенія Россіи — есть то же простой и общій для всѣхъ долгъ.

Кто хочетъ сдѣлать больше — будетъ искать дѣйствія. Оно не всѣмъ дано; сейчасъ даже немногимъ. Но тѣ, первыя требованія — это прямой долгъ каждаго; это долгъ — минимумъ.

Есть справедливость и въ судьбахъ народовъ.

Подъ лежачій камень — вода не потечетъ. Но если мы примемся за дѣло съ упорствомъ того человѣка изъ индійской сказки — морской духъ вернетъ намъ жемчужину.

С. С. ОЛЬДЕНБУРГЪ.

Долгъ русской эмиграціи.

Русская противобольшевистская эмиграція охватываетъ сотни тысячъ людей изъ всѣхъ краевъ Россіи, изъ всѣхъ сословій, всѣхъ формъ быта... Здѣсь есть и кочевые калмыки, и министры императоровъ Александра III и Николая II, студенты и профессора. Никогда въ исторіи міра еще не было подобнаго явленія. Эмигрировали партіи, которыя не могли дѣйствовать или даже существовать на родинѣ; эмигрировали приверженцы религій и сектъ, которыя преслѣдовало государство; уходили вольные люди, которымъ было тѣсно или опасно на родинѣ. Но еще никогда не покидалъ свою родину весь народъ, кто только могъ бѣжать. Впрочемъ нѣтъ. Были подобныя событія въ исторіи человѣчества и ранѣе: это — когда народы бѣжали отъ страшныхъ завоевателей, гунновъ, татаръ, турокъ. Наша эмиграція есть именно такое смятенное бѣгство народныхъ массъ отъ дикаго и безпощаднаго врага. На этотъ разъ врагъ еще опаснѣе всѣхъ тѣхъ дикихъ ордъ, которыя когда-то наваливались на мирное человѣчество: этотъ врагъ не только тѣло убиваетъ, но и душу растлѣваетъ.

И вотъ именно отъ этого духовнаго растлѣнія и ушла та масса, среди которой мы видимъ всѣ русскіе народы, всѣ классы русскаго народа. Такъ, по эсхатологическимъ

представленіямъ, когда придетъ антихристъ, люди, которые не захотятъ покориться ему, уйдутъ, куда глаза глядятъ. Этотъ отказъ отъ сотрудничества съ растлителями человѣческихъ душъ, оскотинивающихъ человѣческое существо, и объединяетъ всю русскую эмиграцію, находится-ли она въ Сербіи, Сиріи, Шанхаѣ или Алжирѣ. Есть такія завѣтныя слова, на которыя откликнется сердце русскаго эмигранта, гдѣ бы онъ ни жилъ. По безпроволочному телеграфу сердца онъ откликнется на эти лозунги съ одного края свѣта на другой. Эти лозунги легче почувствовать, чѣмъ формулировать. Они содержатъ въ себѣ всю нашу любовь къ нашей родинѣ, попранной злою силой враговъ Христа и Россіи, всю нашу тоску по дѣлу, нужному именно ей, а не тѣмъ сухимъ и равнодушнымъ къ намъ людямъ; среди которой томится въ трудѣ и скорби эмиграція.

Долгъ эмиграціи донести этотъ священный огонь непотухшимъ, какъ несутъ четверговую свѣчку послѣ 12 евангелій. Для этого надо, дѣйствительно, то Богослуженіе родинѣ, которое освящаетъ этотъ огонь. Должна быть церковь вѣрныхъ, вѣрныхъ своей родинѣ: вѣдь въ любви къ своей родинѣ всегда есть какой-то религіозный элементъ. И какъ человѣкъ, приходящій въ церковь, ставитъ на свой заработанный грошъ свѣчку передъ образомъ Святого, такъ пусть передъ Образомъ дорогой замученной Родины онъ поставитъ и теперь свою свѣчку.

Наша лепта въ „фондъ Спасенія Родины“ не можетъ быть велика, но ея значеніе не въ величинѣ, какъ не важно и то, пудовую-ли свѣчку ставитъ вѣрующій въ церкви. Надо объединится въ одномъ стремленіи, надо быть „братьями во Христѣ“ любви къ Родинѣ. Вотъ долгъ эмиграціи.

В. ПОГОДИНЪ.

Жизнь учитъ.

„Васъ вели на революцію и кровь. Вы теперь уже видѣли много крови и кусочекъ революціи, но вы не представляете себѣ, сколько уже пролилось крови. Молите Бога, чтобы не пролилось ея больше. И помните, — если еще страшная дѣйствительность не убѣдила васъ, - что ни педагоги, ни адвокаты, ни врачи, ни студенты, гимназисты и семинаристы никогда не дѣлали и не сдѣлаютъ революціи. Ее дѣлаютъ великія стихійныя силы, среди которыхъ ваши силы ничтожны. И не зовите революцію, не вѣрьте всѣмъ вралямъ и „идеологамъ“ революціи“.

Вотъ что, обращаясь къ учащейся молодежи, писалъ 30 окт. 1905 г. профессоръ Д. И. Пихно въ редактируемой имъ національной газетѣ „Кіевлянинъ“.

Одиноко звучалъ въ то время голосъ праваго профессора. Иное проповѣдывало молодежи большинство ея тогдашнихъ учителей. Культъ революціи царилъ повсюду, и всегда воспріимчивая молодежь воспламенялась губительными идеями.

Революція, которую такъ настойчиво „звали“ — пришла. И не „кусочекъ“ пришлось всѣмъ увидѣть, а торжество революціи по всему лицу нашей Родины. Волнами крови захлестнута была Россія, не погибшая окончательно только по предстательству святыхъ молитвенниковъ за Землю Русскую.

Революція предстала внѣшне во

всей своей неприглядной наготѣ, поразила всѣхъ своей отвратительной духовной сущностью. Всласть надругалась надъ всѣмъ тѣмъ, на чемъ созидалась Россія.

Монархія была отнята у народа, церковь подверглась страшному поруганію, національное чувство оказалось въ инородческомъ плѣну.

Но чуткая душа молодежи, пережившая столько мрачнаго и тяжелаго отъ революціи, воспринимаетъ все возвышающуюся чистую идею Монархіи, видитъ какимъ яркимъ свѣтомъ озаряется ограбленная, лишенная внѣшняго убранства, наша мученическая Православная Церковь, чувствуетъ возрожденіе и подъемъ истиннаго національнаго.

И воспринимая все это, понимая, что и нынѣ, какъ при революціи, приближаются стихійныя волны творческой реакціи, наши молодыя поколѣнія, въ лучшей, жертвенной своей части, приготовляютъ себя на подвигъ — къ сверженію красной власти, а также на длительный трудъ — предстоящую затѣмъ работу по возстановленію Россіи.

Въ нихъ — идущихъ намъ на смѣну — живъ порывъ, нѣтъ той только едва замѣтной „теплоты“, которая и до сихъ поръ свойственна многимъ старшимъ, имъ претятъ споры о „платформахъ“, они знаютъ, что начать дѣйственное спасеніе Россіи можно только отдавъ себя безоговорочно въ распоряженіе того Верховнаго Вождя, которому предопредѣлено сокрушить краснаго дракона.

И мы, старшее поколѣніе, должны загорѣться тѣмъ же чистымъ огнемъ, преодолѣть всѣ наши колебанія, мудрствованія, направивъ все къ единому въ настоящій моментъ устремленію — объединенію вокругъ Имени Великаго Князя Николая Николаевича. Обязаны мы отрѣшиться и отъ разслабляющаго насъ, ноющаго, капризнаго нетерпѣнія, соединеннаго обычно съ ничего недѣланіемъ. „Не медлитъ Господь исполненіемъ обѣтованія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ“, пишетъ Апостолъ Іоаннъ, „но долготерпитъ насъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“ (Второе посланіе, ст. 9).

Отъ нашего духовнаго очищенія, отъ чистосердечнаго покаянія въ нашемъ тяжкомъ грѣхѣ — неисполненіи заповѣданія Апостола Петра: „Бога бойтесь, Царя чтите“, отъ дѣйственнаго заглаживанія нашихъ винъ зависитъ приближеніе часа спасенія страдающей Родины.

Н ТАЛЬБЕРГЪ.

---

* * *

Кто сниметъ съ насъ позорные оковы,
Кто возвратитъ намъ Родину и честь,
Кто воскреситъ старинныя основы
И принесетъ прощенье, а не месть?!

Одинъ лишь Онъ, нашъ свѣтозарный Воинъ,
На землю посланный отъ Бога Силъ,
Кого народъ заблудшій недостоинъ,
Но Кто забылъ все, понялъ и простилъ.

НИКОЛАЙ ЧУХНОВЪ.

Вождю.

Россійскій Витязь благовѣрный,
Явись, пріими былую власть;
Обманъ да сгинетъ лицемѣрный,
Да сгинетъ красная напасть.
Въ ниспосланную свыше страду
Намъ нуженъ прирожденный вождь,
Какъ въ часъ ненастья, пастырь — стаду,
Какъ нивѣ — благодатный дождь.
Блесни желанною денницей,
Изъ мертвыхъ правду воскреси,
Воздвигни мощною десницей
Священный стягъ Святой Руси.
Владиміръ возлѣ водъ Евксина,
Подъ нимъ крещеніе пріялъ;
Надъ Анной, внучкой Константина,
Въ величьи славы онъ сіялъ.
Тотъ стягъ отъ Золотого Рога.
Подъ рокотъ струй и скрипъ весла,
Софія, дочь Палеолога,
На Русь съ собою принесла.
Подъ мощной благостною сѣнью
Его двуглаваго орла,
Отъ поколѣнья къ поколѣнью,
Россія ширилась, росла.
И опоясала полъ-міра,
Съ Восходомъ сочетавъ Закатъ, —
Отъ льдовъ полночныхъ до Памира,
Отъ Анадыря до Карпатъ.
Онъ видѣлъ приступъ Іоанновъ
На осажденную Казань;
Съ тѣмъ стягомъ Михаилъ Романовъ
Пріялъ вѣнецъ въ грозу и брань;
Неувядаемою славой,
Средь молодыхъ своихъ дружинъ,
Его подъ Нарвой и Полтавой
Покрылъ державный Исполинъ.
И сердцемъ воспріявъ начала
Путей Руси на стягѣ томъ,
Екатерина увѣнчала
Его Георгіевскимъ крестомъ.
Суворовъ, натискомъ могучимъ,
Съ нимъ бралъ Фокшаны, Измаилъ,
И по альпійскимъ грознымъ кручамъ
Своихъ соратниковъ водилъ;
Кутузовъ, въ часъ грозы военной,
Съ нимъ честь Россіи отстоялъ
И Александръ Благословенный
Покой Европѣ даровалъ.
Съ тѣмъ стягомъ Царь-Освободитель
Разбилъ оковы у славянъ
И Санъ-Стефанскій побѣдитель
Сломилъ гордыню басурманъ...
Воздвигни стягъ тотъ благодатный,
Съ которымъ, доблестью горя,
Шли встарь полки на подвигъ ратный
За Русь Святую, за Царя;
Тотъ стягъ, передъ которымъ стѣны
Тряслись и содрогался врагъ:
Незнавшій сорома измѣны,
Нашъ черно-желто-бѣлый стягъ.
И — полоса надъ полосою —
Вся Русь изобразилась въ немъ:—
Здѣсь влажный, смоченный росою,
Полей отчизны черноземъ;
Здѣсь — спѣлыхъ нивъ просторъ безбрежный
На солнцѣ блещетъ золотой;
Здѣсь — зимъ морозныхъ бѣлоснѣжный
Убрусъ — покровъ Руси Святой.
Воздвигни символъ тотъ завѣтный,
Явись и свѣтелъ, и могучъ,
Какъ послѣ тьмы ночной разсвѣтный
Животворящій солнца лучъ.
Къ тебѣ, подъ стягъ тотъ, отовсюду
Стекутся родины сыны:
Съ нимъ ополчися на Іуду,
Смети отродье сатаны.
Освободи отъ рукъ злодѣевъ
Престолъ — наслѣдіе вѣковъ,
Святую Русь — отъ іудеевъ,
Святую Церковь — отъ оковъ.
Избавь отъ сатанинскихъ оргій
Отчизну — въ рубищѣ, въ грязи...
И змія, какъ святой Георгій,
Ты, Князь Великій, порази.
Спаси, лукавымъ соблазненный,
Въ неправдѣ гибнущій народъ, —
И край родной, освобожденный,
Тебя прославитъ въ родъ и родъ.

АЗВЯГЪ ХАНЪ.

Наслѣдникамъ.

Когда изъ Геттингена я пріѣхалъ въ Россію, проживъ два года въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ, кажется, самые камни дышали ученостью, — я съ жаромъ принялся за новое и интересное дѣло.

Мнѣ хотѣлось осуществить то, что такъ живо было въ воспоминаніяхъ о Германіи. Кромѣ лекцій, гдѣ бываетъ много студентовъ, гдѣ каждый годъ читается приблизительно одно и то-же, хотѣлось мнѣ создать нѣсколько интимныхъ курсовъ, по вопросамъ сложнымъ и тонкимъ, гдѣ было-бы немного избранныхъ, гдѣ всѣ знали-бы другъ друга по малѣйшему извиву мысли.

И это удалось.

Было всего въ аудиторіи десять человѣкъ. И не читались лекціи, а велась общая бесѣда. Всѣ участвовали въ созданіи общей работы, шагъ за шагомъ прокладывали путь, часто спорили и поправляли другъ друга.

* * *

Но черезъ годъ уже пронеслось что-то тревожное и страшное.

Проводили одного на войну.

Прошло два-три мѣсяца, — двое другихъ одѣли военную форму.

По-прежнему приходили въ университетъ. По-прежнему слѣдили за сложнымъ рисункомъ отвлеченной мысли.

Но поселилось что-то неуловимое.

Высокій и худой студентъ пришелъ разъ взволнованнымъ и угнетеннымъ.

— Забраковали...

— Куда?

— Не вышло зрѣніе... Хотѣлось поступить въ училище...

По-прежнему я чертилъ а доскѣ цвѣтными мѣлками сложные чертежи неевклидовой геометріи. Но чудилось за этими чертежами что-то новое — и имъ, и мнѣ...

Враждебное?

Нѣтъ. Но не менѣе высокое, чѣмъ разсужденія о пространствѣ.

Ушелъ еще одинъ. И провожали его просто и радостно. И казалось даже, что проще и радостнѣе уходятъ на смерть тѣ, кто сроднился съ вопросами ненужнаго для земныхъ цѣлей чистаго знанія...

* * *

Дорогіе мои ученики, вы всѣ приняли на себя тяжелый долгъ солдата и офицера...

Только одинъ, пройдя страдный путь Кубани, Крыма, Галлиполи, смотритъ теперь въ Америкѣ на звѣзды въ телескопъ обсерваторіи... Но уходя домой, надъ своимъ письменнымъ столомъ, онъ видитъ дорогіе для него дроздовскіе погоны...

Всѣ остальные — убиты. Всѣ остальные рѣшили для себя конечные вопросы знанія.

Всѣ остальные отдали свою жизнь, когда потребовалъ этого голосъ долга...

* * *

И помню я, что никто не спрашивалъ себя:

— Что толку, что я пойду на войну и буду убитъ?

Никто не уклонялся отъ своей доли. Тамъ гдѣ-то, на западныхъ границахъ, защищалъ Россію Верховный Главнокомандующій. И не вставало вопросовъ:

— Не полезнѣе-ли сохранить себя для науки?

Тогда еще не поклонялись міровому пролетаріату, не возводили грубый физическій трудъ въ новый культъ, — тогда еще умственный трудъ и наука окружены были почетомъ и славой.

И десять юношей знали, что они — не послѣдніе въ этомъ пути. Что улыбается имъ и успѣхъ, и слава, и радость любимой работы...

Но бросили все — и пошли. Пошли съ сознаніемъ, что не имѣютъ права рѣшать, гдѣ имъ полезнѣе быть, что не имѣютъ права уклоняться отъ исполненія долга, еслибы польза отъ нихъ была даже совсѣмъ ничтожна...

* * *

Пусть оживутъ эти воспоминанія въ наши годы изгнанія и горя.

Пусть они вольютъ въ усталыя сердца новую бодрость.

Пусть наши студенты — прямые наслѣдники моихъ десяти учениковъ — услышатъ своимъ чуткимъ ухомъ знакомый голосъ Верховнаго Главнокомандующаго.

И не смущаются.

Пусть то, что они дѣлаютъ — мало.

Но кто имѣетъ право уклоняться отъ долга?

Кто имѣетъ право складывать руки потому, что польза отъ ихъ усилій кажется ничтожной?

Такъ думаютъ жалкіе, колеблющіеся, сомнѣвающіеся, трусливые...

Наслѣдники русскихъ студентовъ, разрывавшихъ свои любимыя рукописи и шедшихъ умирать, — будутъ, какъ и они, спокойны и смѣлы...

В. ДАВАТЦЪ.

Наши Мининыі.

Тотъ, кто ищетъ отвѣта на свои вопросы въ историческихъ параллеляхъ, несомнѣнно придетъ къ заключенію, что наше время гораздо печальнѣе Смутнаго Времени.

Пожарскихъ, правда, Россія дала и теперь. Но за-то Минина — ни одного. Между тѣмъ ясно, что новый памятникъ на Красной Площади можетъ составиться только изъ двухъ близкихъ фигуръ: изъ символовъ фронта и тыла, изъ того, кто жертвуетъ жизнью, и изъ того, кто жертвуетъ своимъ достояніемъ.

Я, слава Богу, не мало лѣтъ прожилъ на свѣтѣ. Видѣлъ нерѣдко Мининыхъ московскихъ и петербургскихъ, въ чинахъ коммерціи совѣтниковъ и безъ чиновъ просто. И помню, что на развалъ Государства Россійскаго они давали денегъ достаточно. Но на укрѣпленіе Россійской Державы — почти ничего.

Иногда только оффиціально, для орденка или чина, привѣтствуютъ съ параднаго крыльца правительство иллюминаціей и вензелями. А на черномъ дворѣ, уже отъ души, а не по обязанности, кормятъ любовно эсеровъ, чтобы несчастненькіе не захирѣли, не перестали у государства подрывать носомъ корни.

Козьма Мининъ Сухорукъ... Это имя давно стало въ Россіи какимъ-то невозвратнымъ plus quam perfectum. Былъ за послѣднихъ полъ-вѣка у насъ одинъ только Козьма, да и тотъ Прутковъ, да и тотъ псевдонимъ. Былъ отдѣльно и Мининъ, но не Козьма, а Борисъ, и не патріотическій жертвователь, а всего на всего авторъ задачника по тригонометріи.

— Ничего, — утѣшалъ себя я. — Очевидно у насъ Козьмы Минины есть, но они набираются силъ на случай большого несчастья. Вотъ случится бѣда — тогда и увидимъ, каковы нижегородскіе мясные торговцы и московскіе мануфактурщики!

Бѣда, къ несчастью, случилась. Пять Пожарскихъ честно и храбро сражались на югѣ, на востокѣ, на сѣверѣ, на сѣверо-западѣ. Но Козьмы продолжали оставаться Прутковыми, а издатели задачника Минина — не становились Козьмами. Правда, они дѣятельно работали въ тылу, какъ могли, продавая сахаръ, муку, соби-

рая валюту. Но когда Пожарскіе обращались къ нимъ съ просьбами, они грустно отвѣчали:

— Что подѣлаешь, ваше высокопревосходительство. Ни одинъ банкъ не даетъ ничего подъ залогъ женъ и дѣтей... А то бы мы съ удовольствіемъ!..

* * *

Въ эмиграціи сейчасъ — то же самое. Минины замкнулись со своими капиталами въ Парижѣ и Лондонѣ; Козьмы — въ Бѣлградѣ, Нью-Іоркѣ, Берлинѣ. И какъ ни стараются всѣ, и какъ ни надѣются всѣ, чтобы изъ ихъ соединенія получился, наконецъ, настоящій величественный Козьма Мининъ — выходитъ въ результатѣ нѣчто печальное, немощное: одинъ Сухорукъ, ничего больше. А какъ можетъ Сухорукъ протягивать руку для внесенія лепты? И какъ Мининъ можетъ пожертвовать, когда Козьма упирается?

Историческія параллели, какъ видите, не всегда дѣло веселое. Иногда отъ нихъ можно только разочароваться въ мясныхъ торговцахъ, лабазникахъ, пароходчикахъ, нефтяникахъ, мануфактурщикахъ, банковскихъ дѣятеляхъ... И пожалѣть современныхъ Пожарскихъ.

Такъ какъ для нынѣшнихъ Мининыхъ съ именемъ Пожарскаго связано развѣ только одно возвышающее и благородное національное чувство: любовь къ пожарскимъ котлетамъ.

А. РЕННИКОВЪ.

Она зоветъ.

Она шла по дорогѣ, усѣянной острыми камнями и гвоздями, и кровавились ранами босыя, усталыя ноги. Скорбенъ путь .. Сорвана пурпурная мантія; черные, кудлатые псы съ хриплымъ лаемъ злобы и ненависти разорвали ее. Лохмотьями виситъ когда-то богатое одѣяніе и сквозь вырванные клочки бѣлѣетъ худое, изможденное тѣло. Не горитъ самоцвѣтными камнями золотая корона... терновый вѣнецъ на растрепанной головѣ. Взято все. Только крестъ на груди, но потускнѣло золото комьями грязи заброшенное. И по-прежнему прекрасно, по новому красиво, красотой мученичества осіянное лицо Ея.

Она идетъ черными невспаханными полями, вырубленными, пнями зіяющими лѣсами и придорожная трава, и полевые цвѣты благоговѣйно склоняются передъ Ней. И стономъ стонетъ не родящая земля. Деревнями идетъ Она, вымороченными, жуткими; плачутъ разбитыми окнами пустыя избы. Смерть прошла здѣсь. И тихо жалуются въ небѣ звѣзды — слезы голодомъ замученныхъ людей.

Деревнями... Съ покосившимися хатами, пустыми амбарами... Заглушенно вздыхаютъ въ нихъ истощенные, въ оборванныхъ, потрепанныхъ одеждахъ, страхомъ скованные, безправіемъ пришибленные люди. Не слышно звонкихъ пѣсенъ, веселыхъ переливовъ гармоники, беззаботнаго дѣтскаго смѣха.

— Дѣти... дѣти... — укоризненно шепчутъ обезкровленныя губы женщины, — развѣ не любила я васъ...

— Обманомъ взяли... сказками задурили... страхомъ сковали... — сумрачно шепчутъ деревни, пугливо озираясь кругомъ.

Бродами идетъ она загаженными, полуразрушенными, хищными нехристями управляемыми. Тѣнями скорбными, призраками запуганными, незамѣтными скользятъ среди нихъ когда то первые, „солью“ прозванные, Мать не отстоявшіе. Искупленъ грѣхъ. Изъ тюремъ переполненныхъ ихъ стоны доносятся, изъ рвовъ широкихъ ихъ вздохи слышатся. И плачетъ небо дождемъ — слезами страшной пыткой милліоновъ умученныхъ.

Къ морю подошла и съ тоской заплакала.

— Лучшіе за нимъ — непримирившіеся. Знаю тоску вашу по мнѣ... Дѣти мои, обездоленные, всего лишенные... Увижу ли васъ!..

И зашаталась отъ горя неизбывнаго... Вотъ-вотъ упадетъ... Какъ вдругъ чудо совершилось. Отвалились комья грязи, брошенные кощунственной рукой въ крестъ, висѣвшій на груди... Засверкало потускнѣвшее золото, неземнымъ свѣтомъ засіялъ вѣнчикъ вокругъ чела замученнаго Бога. И окрѣпла вдругъ прекрасная женщина и могучимъ голосомъ до всѣхъ деревень и городовъ докатившимся крикнула: „Сбросьте страха оковы... Съ нами Богъ. Какъ одинъ вставайте всѣ за Него поруганнаго, за Меня замученную.

И зашевелились люди и стали рвать стальные оковы.

И въ страстномъ призывѣ протянула за синее море исхудалыя руки.

— Вы, далекіе... вы, ушедшіе... за Меня пострадавшіе... Сильные и слабые, вѣрующіе и сомнѣвающіеся, любящіе и колеблющіеся, въ одну рать становитесь, въ одно слейтесь на помощь Мнѣ. Не всѣхъ ли васъ родила Я? Не всѣ ли вы дороги Мнѣ? Не всѣхъ ли Я жду. Дѣти... Сыны Мои... Мать зоветъ. Слышите ли Вы?

И изо всѣхъ уголковъ земного шара донесся радостный гулъ.

— Слышимъ, Матушка!

И въ скромномъ уединенномъ особнякѣ раздался призывъ.

— Слышишь ли Ты, любимѣйшій?

— Слышу, Мать,— тихо отвѣтилъ Онъ.

Перекрестился.

— Иду! — И выпрямился во весь могучій ростъ.

ГЛУХОВЦОВА.

Вѣрность прошлому.

Жизнь бросила казаковъ съ береговъ Днѣпра и Дона яркою лентой черезъ Уралъ и Туркестанъ въ далекую Сибирь къ океану. Въ продолженіи 400 лѣтъ казачество островами, среди степей и горъ, строило свои гнѣзда, боролось съ хищниками и въ то же время развивалось и крѣпло. На могучихъ плечахъ казаки пронесли южныя границы государства къ очертаніямъ Императорской Россіи. Во всѣхъ походахъ и войнахъ, всегда впереди, вѣрное долгу и дѣдовскимъ завѣтамъ, казачество вплело не мало лавровъ въ вѣнокъ Русской Арміи, оно смѣшало свою кровь съ кровью воиновъ-неказаковъ Россіи.

Альпы, Бородино, Парижъ, съ Баклановымъ, Скобелевымъ, Мищенко, въ міровую войну — казаковъ всюду знали, всѣ видѣли доблесть и лихость казачью. Но все казачье — русское. Радость и скорбь, побѣда и смерть отъ вражеской руки, какъ душа, вѣра, языкъ, — все это родное, православное, прекрасное наше — русское. Въ дикія степи и горы казаки унесли святой огонь любви къ Родинѣ, честно и безтрепетно сохранили его, несмотря на всѣ испытанія. Страшный годъ гибели Имперіи, тысячелѣтняго православнаго государства, явилъ единый образъ казака донца и терца, уральца и уссурійца.

Единымъ языкомъ заговорили казачьи Войска, устами Атамана Каледина въ Москвѣ сказали страшную правду о распыленіи русскаго государства и протянули руку свѣтлымъ силамъ, стремившимся спасти честь и цѣлость Россіи. И сейчасъ казаки едины. Любовь къ казачеству и Россіи сливаетъ казачьи ручьи въ одну казачью рѣку и она быстро и мощно мчитъ свои воды въ одно русское море. Еще немного воли и жертвы и

первыя волны достигнутъ родныхъ береговъ, кончится тягостный плѣнъ изгнанія. Столѣтій не зачеркнуть росчеркомъ интернаціональнаго пера, какой бы то ни было раной не измѣнить казачьей крови. Въ крови казаковъ не только воинская доблесть. Казаки въ годы разрухи съумѣли сочетать свободу съ порядкомъ, казачьи Войска предстали образцомъ государственности и вся борьба съ грязнымъ Интернаціоналомъ велась, главнымъ образомъ, на казачьихъ земляхъ. Временный неуспѣхъ не сломилъ русское казачество. Отъ подростка до старика оно народной массой, Войскомъ, ушло заграницу. ЛагериТурціи, Лемносъ, болгарскіе рудники, горы Сербіи, заводы Франціи видѣли и видятъ казаковъ. Опять отъ турка до француза всѣ познаютъ казачью крѣпость, сметку и трудолюбіе. Напряженно и зорко всматриваются казаки въ чуждую имъ жизнь иностранцевъ, замѣчаютъ хорошее и дурное и еще больше любятъ свои края и Россію. Степь безкрайная, ковыльная и зеленая, тучный черноземъ юга Россіи, стада скота и табуны скакуновъ... ничего подобнаго не находятъ казаки заграницей. Не находятъ они, подчасъ, той простоты и сліянія руководителей съ народомъ, какъ это было и будетъ въ казачьихъ Войскахъ.

Учится казачество... не любви къ Родинѣ, такъ какъ оно всегда любило ее всѣмъ своимъ степнымъ безхитростнымъ сердцемъ, но тому, какъ гибельны и для Европы бактеріи интернаціональныхъ ученій. Закаливается сознаніе, наглядный примѣръ утверждаетъ въ мысли, что ни въ одномъ уголкѣ необъятной Россіи не должна остаться красная нечисть, иначе невозможенъ роздыхъ у куреня, нельзя приступить къ мирнымъ занятіямъ. Гордъ казакъ тѣмъ, что онъ и горсточка героевъ-неказаковъ первыми узрѣли бездну соціализма и, разъ вступивъ въ вооруженную борьбу, еще не закончили дѣла возрожденія Россіи. Европа старушечьими руками тянется къ красному огню и обжигаетъ свое дряхлое тѣло. Мудрость Западу приходитъ и прійдетъ съ Востока. Въ этой мудрости есть и будетъ частица казачьяго ума и казачьяго сердца.

Тихимъ вечеромъ, на станичномъ кладбищѣ, прильнетъ казакъ къ могиламъ дѣдовъ, отцовъ и братьевъ. Скажетъ: „Свой долгъ казака исполнилъ. Страданія и кровь Россіи не забылъ — и вамъ пришелъ поклониться“... Какъ въ Монастырскомъ Урочищѣ каждый годъ ходилъ всѣмъ Войскомъ великимъ Донскимъ къ костямъ тысячъ предковъ, погибшихъ въ Азовѣ.

Вѣрность прошлому — слава въ будущемъ!

Д. П—въ („Казакъ“).

У С. Н. Палеолога.

Моимъ давнишнимъ желаніемъ было навѣстить Правительственнаго Уполномоченнаго С. Н. Палеолога и въ бесѣдѣ съ нимъ ознакомиться съ положеніемъ вопроса о сборѣ пожертвованій въ „Казну Великаго Князя“. Однако, добраться до С. Н. Палеолога оказалось не такъ легко, и послѣ ряда тщетныхъ попытокъ дождаться своей очерди въ переполненной бѣженцами пріемной, я рѣшилъ было совсѣмъ отказаться отъ этой мысли... Меня выручилъ случай: проходя вечеромъ мимо управленія, я, что называется, завернулъ на огонекъ,—и С. Н. Палеологъ, не смотря на поздній часъ и усталость любезно принялъ меня...

Мерцаетъ оплывшая свѣчка; въ окнѣ сырая бѣлградская ночь, а надъ

столомъ сѣдая, коротко остриженная голова. Пріемъ давно оконченъ; мой приходъ прервалъ очередную работу; я тороплюсь уйти, но вмѣсто этого, — задерживаюсь и провожу у С. Н. Палеолога около 2 часовъ...

Я спрашиваю; С. Н. Палеологъ разсказываетъ, и дѣлаетъ это такъ увлекательно, что я не замѣчаю, какъ проходитъ время. Мы роемся въ ворохѣ дѣлъ, и наугадъ читаемъ нѣкоторыя изъ писемъ, получаемыя С. Н. изъ разныхъ мѣстъ. Пишутъ ему изъ всѣхъ русскихъ колоній въ С. Х. С.; пишутъ изъ казачьихъ станицъ, и изъ такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстъ Македоніи, съ такими странными арнаутскими названіями, о которыхъ слышишь въ первый разъ. Пишутъ русскіе и сербы. Всѣ мысли и сердца направляются къ одному дорогому для всѣхъ Имени.

Сербія — первая страна, гдѣ благодаря энергіи и умѣлой организаціи С. Н. Палеолога, а еще болѣе благодаря его исключительной популярности, — идея генерала П. Н. Краснова встрѣтила такой воодушевленный патріотическій порывъ. Кто изъ русскихъ не знаетъ С. Н. Палеолога? „Вы у меня въ первый разъ, — говоритъ онъ мнѣ. — А за четыре года въ этомъ самомъ кабинетѣ я принялъ свыше 40.000 русскихъ". Сербія стала передаточнымъ этапомъ, къ которому потянулись русскіе люди изъ всѣхъ уголковъ земного шара, стремящіеся къ желанному Вождю. Вся Европа и лимитрофы, знойная Сирія, и полная тайны Индія...

Кто вы, въ разсѣяніи сущіе, взыскующіе свою Россію Національной, освобожденной отъ поганаго ига? Кто вы, несущіе свои жертву на алтарь отечества?

Изъ Парижа, и Вѣны, изъ Берлина, и Нью-Іорка почти одни и тѣ же вопросы въ письмахъ: „случайно узнали о Вашемъ прекрасномъ починѣ, спѣшимъ исполнить свой долгъ. Научите, какъ и у насъ организовать сборы. „И тутъ же въ письмахъ не жалоба, а скорѣе скорбь на то, что наиболѣе обезпеченные русскіе — наиболѣе холодны къ сбору... Въ другомъ письмѣ читаю: „П. Н. Красновъ создалъ статую, а Вы оживили ее"...

Мы углубляемся въ письма. Ихъ много; читая ихъ, не оторваться. Въ кривыхъ каракулькахъ, нацарапанныхъ мозолистой рукой труженика разбираемъ: крестьянинъ N губ., солдатъ, подпрапорщикъ, фейерверкеръ...

Рабочіе рудника...

Русская артель на постройкѣ...

Русскіе служащіе ..

Такъ вотъ она подлинная Россія. Вотъ, гдѣ бьются настоящія русскія сердца, вотъ кто трепетно ждетъ воскресенія Родины... Письма — сгустки любви, мелкія капельки, собранныя здѣсь. Плоть отъ плоти и кровь отъ крови національной Россіи.

Мерцаетъ оплывшая свѣча; и выбѣленный известью кабинетъ Правительственнаго Уполномоченнаго превращается въ какую то волшебную храмину, а простой письменный столъ — въ жертвенникъ, на которомъ сложены сгустки любви къ родинѣ обездоленныхъ русскихъ людей на чужбинѣ...

Мы нѣкоторое время молчимъ; мы оба подъ властью незримыхъ нитей, что потянулись сюда со всего міра отъ русскихъ сердецъ. Душа согрѣта и освѣжена, словно послѣ духовной ванны...

Нужны ли цифры и фактическая сторона вопроса, о которой я хотѣлъ узнать? Что можетъ это прибавить къ тому яркому и свѣтлому, что я пережилъ, прикоснувшись къ большому національному дѣлу. С. Н. Палеологъ разсчитывалъ собрать, максимумъ, 100 тысячъ динаръ, а ко дню нашей бесѣды собрано 350 тысячъ. Жертвуютъ деньгами, обручальными кольцами, солдатскими „Георгіями", — кто чѣмъ можетъ, — и дѣло растетъ и ширится.

Прекрасное русское національное дѣло. Помоги ему Богъ!

КАЗАКЪ

Всѣмъ бѣженцамъ извѣстно письмо генерала Краснова, призывающее казаковъ и всѣхъ русскихъ людей къ дѣйственному поддержанію дѣла спасенія Родины подъ Водительствомъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Для достиженія великихъ цѣлей нужны и великія усилія. Нужны истинное служеніе и жертвенность отъ каждаго русскаго человѣка. Сейчасъ тамъ, гдѣ начинается русское дѣло, необходимы, прежде всего, матеріальныя средства, чтобы вести государственную работу и чтобы распространить на Руси и по всему міру благую вѣсть о претворяющемся въ жизнь священномъ чаяніи русскихъ людей.

Когда Ленинъ задумалъ свое мерзкое дѣло погубить Россію, онъ получилъ отъ германскаго генеральнаго штаба 75 милліоновъ марокъ. Вражескія деньги были хороши для разрушенія Россіи. Для созиданія Россіи нужны святыя, чистыя деньги, потомъ труда добытыя и горючими слезами омытыя, и мы должны дать нашему Великому Князю такія святыя деньги, чтобы Онъ могъ начать творить на нихъ свое дѣло спасенія Россіи. Каждый посланный нами франкъ или динаръ будетъ приближать насъ къ Родной Землѣ. Мы всѣ станемъ съ момента этой жертвы участниками и творцами подготовляющагося государственнаго возрожденія.

Изъ обращенія С. Н. Палеолога ко всѣмъ русскимъ людямъ.

„Съ Божію помощью Я исполню Мой священный долгъ и отдамъ Себя и жизнь Мою для спасенія Россіи и установленія въ ней законности и порядка. Вѣрьте, уповая на Господа, не промедлю, когда придетъ великій часъ и явится возможность дѣйствовать съ увѣренностью въ успѣхъ".

НИКОЛАЙ.